

Георгий Попов

Гамка, Гошка и Антошка

0+

Георгий Попов
Гамка, Гошка и Антошка

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Попов Г. В.

Гамка, Гошка и Антошка / Г. В. Попов — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Эта книга представляет собой серию коротких рассказов о сибирских ребятишках пятидесятих годов прошлого века. Рассказы основаны на реальных событиях того времени. Книга рассчитана на широкий круг читателей, как на детей, так и на взрослых.

Содержание

Предисловие	6
Начало	7
Ватага	9
Трое друзей	10
Крючок	11
Заготовка шишек	12
Школа	13
Дошколята	14
Кино	15
Хлеб	17
Снег с крыши	18
Велосипед	19
Сливки	20
Гараж	21
Дупло	22
Кисель	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Посвящается моим друзьям детства – Гамлету и Антону.

Предисловие

Эти рассказы есть дань памяти моим близким друзьям детства, которые, к сожалению, уже ушли в иной мир. Мои друзья – это Гамлет Арутюнян и Антон Адамукас. Гамлет был известный хирург в онкологии, Антон так же был хорошо известным врачом офтальмологом. Родители Антона были высланы из Прибалтики, а точнее из Литвы, Гамлета из Армении. Родители моих родителей были тоже сосланы в северный район Красноярского края, и мои родители попали в нашу деревню Новокаргино просто потому, что она была практически по – соседству с одним из последних мест ссылки моих дедов. Несмотря на то, что судьба нас свела в раннем детстве, мы эту дружбу пронесли через всю нашу жизнь. Я и мои друзья составляли неразлучную троицу. Когда мне исполнилось десять лет, мои родители увезли меня из деревни на юг Красноярского края. Но наша тяга друг к другу была так велика, что и после школы, мы разыскали друг друга, и с тех пор уже никогда не теряли друг друга из вида. В основу моих маленьких рассказов легли реальные события. Те события, которые ярко запечатлела моя детская память, и я вновь захотел увидеть эти события глазами ребенка того возраста, который соответствовал именно этим событиям. И конечно эти рассказы – дань памяти нашей малой родине – деревне «Новокаргино, Красноярского края и тем людям, которые в ней жили в то время.

*Пусть много лет прошло,
но памяти приятно
скользить вдоль дней,
ушедших безвозвратно*

Начало

Прошлый век, вторая половина пятидесятых годов. Маленькая деревенька шириной в несколько домов, но довольно приличной длины, приютилась на высоком берегу Енисея на несколько километров южнее того места, куда впадает в могучий Енисей величественная Ангара. Дорога, шедшая вдоль берега, отделяла нашу деревню от Енисея. Между дорогой и Енисеем была довольно широкая полоска соснового бора. Эта полоска – единственное, что осталось от могучего бора, когда – то шумевшего на берегу Енисея на месте нашей деревни. Каждое дерево этой лесной полосы было невероятно больших размеров. Лесная полоса тянулась по краю высокого и обрывистого берега. Крутой яр, который спускался к берегу Енисея, был испещрен множеством троп, вытопанных как взрослыми рыбаками, так и многочисленной босоногой армией ребятишек. У реки был небольшой приступочек земли, на котором можно было, и позагорать после купания в прохладной воде, и развести костер во время рыбалки – одного из главных и наиинтереснейших занятий местной детворы. У самой реки полосками рос тальник и вербы, но напротив самой деревни у реки тальника не было и было открытое пространство. Там, где были заросли вербы, пройти по берегу было или сложно, или даже невозможно. Вербы густо росли практически у самой воды и их ветви свисали прямо в реку. Течение подергивало их так, как – будто на концах веток висели пойманные рыбы и дергали эти ветви. На открытом пространстве, прямо у воды, был мелкий галечник, который уходил в воду, выстилая дно. Галечник всегда был местом интереснейших находок. Это были камушки необычной формы и расцветки. Иногда они были почти прозрачные, и если их стукнуть друг о друга, то возникал запах паленых спичек. С берега был виден длинный остров. Он тянулся вдоль всей деревни и отделял ее от основного русла Енисея. Это была протока. Она была не широкой, метров двести, и любители споров время от времени преодолевали это расстояние вплавь. В те времена еще не было Красноярской ГЭС и вода летом успевала прогреваться не только в протоке, но и у берегов основного русла. Ранней весной, когда вскрывался лед, народ высыпал на берег. Лица светились радостью от главного знамения весны и самого главного – приближающегося лета. Что ни говори, восемь месяцев зимы, как бы ты ее не любил, вызывали ностальгию по теплу, летним радостям и пенью птиц. Да и вообще, по всему тому, что с собой приносит весна и лето. Детвора, помельче, спускалась к самой воде и атаковывала льдины, выброшенные на берег. Льдины, под ударами, со звоном рассыпались на мелкие сосульки, похожие на карандаши. Ну и конечно были постоянные соревнования – кто первым попадет камнем в какую ни – будь плывущую льдину. У взрослых были дела поважнее. Начиналась подготовка к сезону рыбалки. Смолили лодки и ребяшня, конечно, была тут как тут с предложениями своей помощи. Пока не оттаивала земля, а с ней и черви, ребяшня на речке с удочками делать было нечего. Высота берега со стороны деревни была метров тридцать, но это не было помехой для того, чтобы подниматься и спускаться раз двадцать за день. Ведь надо было и ничего не пропустить важного на реке, и проголодавшись, успеть попить молока с ватрушкой или даже просто куском хлеба с маргарином и солью. Время от времени, по дороге вдоль берега проходила машина, как правило, это был лесовоз, и очень везло, если удавалось увидеть автобус – это невероятное чудо техники, по тем временам, для нашей деревни. Автобус вызывал у ребяшни восторг, и если он останавливался, то каждый старался его потрогать за его крутые бока и заглянуть внутрь. Это явление было тоже поводом для разговоров на вечерних посиделках деревенской ребяшни. После ледохода знаменательным событием было цветение черемухи, особенно на острове. Остров становился белым, и запахи время от времени доходили аж до дороги. На второй длинной стороне деревни была тайга, и весной происходило чудо, когда под действием солнца, снег проседал и после ночных заморозков превращался в наст, настолько прочный, что можно было бегать по лесу не боясь провалиться. Постепенно

солнце брало свое, и кочки освобождаясь от наста, начинали наполнять воздух весенними удивительными запахами земли. Это чудо, которое способен осознать и ощутить только ребенок. Цветы спешили возвестить о лете и кочки быстро покрывались лютиками. В тех местах они гигантских размеров, с детский кулачок и даже больше. Детишки радостно набирали первые букеты и приносили их домой, чтобы и внутри дом начинал благоухать весной. Весна в деревне – это время невероятных запахов, которые составляют некий мир, непонятный и недоступный жителям городов, невероятный мир, который привносит ощущение великой и прекрасной гармонии человека и матушки природы. У каждого дома был большой огород. Это главный кормилец. Картошка, морковка, свекла и редиска – это все успевало вызреть за короткое лето. Но главным лакомством в огороде был мак, который цвел огромными цветами различных оттенков, от нежно – розового, до интенсивно красного. Маковые головки были большими. И когда они из зеленых становились темно серыми или коричневыми, начинались набеги в свой огород, чтобы сорвать пару – тройку головок мака. В конце весны, на пороге лета, вокруг деревни летал самолет и сбрасывал дуст от клещей. Несмотря на его усилия, летом мы обязательно цепляли одного-двух клещей, каждый. К этому относились спокойно. Взрослые их вытаскивали петелькой, предварительно смазав чем-то место вокруг клеща, и мы вновь убежали по своим делам. Жизнь в деревне кипела. Взрослые занимались своими делами, а ребятня своими делами – многочисленными, всепоглощающими и не менее важными.

Ватага

Ребятишек в деревне, как и в любом другом месте, и даже в городе, тянет друг к другу. Они сбиваются стайками по несколько человек примерно одного возраста. Но нередко в такой компании оказывались и малыши – это был брат или сестра кого – то из ребят. В компании оказывались и ребята постарше – это те, кто умом еще не повзрослел и чувствовал себя комфортно в компании помладше. В любое время дня, по каким – то неизвестным обстоятельствам, ребятишки, подобно снежному кому, сливались в компанию, которая уже мчалась либо к реке, либо просто по улице, либо вообще неслась куда – то без всякой цели, подхваченная ветром радости и какого – то неиссякаемого восторга. Компания в своем необузданном движении и была тем, что называется ватагой. Зачастую энергия ватаги изливалась в какой ни – будь уличной игре, или в походе в лес, или к реке. Да и других мест тоже хватало. Можно было поноситься по огромным дюнам из опилок, которые покрывали большую площадь, рядом с лесозаводом, или попрыгать с пакета на пакет из бруса или досок, которые стояли в большом количестве за лесозаводом, или погонять мяч на поляне. Вообще, ватага – это удивительное явление детства, которое многократно усиливало любовь к малой родине.

Трое друзей

Когда мой отец достроил дом, и мы в него въехали, мне только исполнилось пять лет. Пять лет в деревне считались возрастом достаточным для самостоятельного гуляния на улице вблизи дома. Наступило теплое лето, и первое же путешествие по улице привело к знакомству с двумя сверстниками, которые босиком ходили по луже возле дороги. Это была впадина на обочине, заросшая короткой травой и залитая водой после дождя. Я присоединился к компании и в процессе совместного гуляния по теплой луже, мы познакомились. Выяснилось, что одного зовут Антошка, а второго Гамлет, но Гамлет как – то было неправильно и я, а потом и Антошка, стали звать его Гамкой. Антошка и Гамка жили рядом. Дом Гамки находился недалеко от тракта и был небольшим домиком из бруса, а дом Антошки ближе к нашему дому и был старым щитовым домом, в котором семья Антошки занимала половину. После знакомства, встречи на улице стали почти ежедневным явлением. В светлое время дня родители спокойно отпускали нас гулять. Это было время удивительных открытий. Это была игра с жуками усачами в подъемный кран, ловля головастика в лужах, погоня за бабочками и прочие не менее увлекательные дела. Наши родители давно друг друга знали и, время от времени, зазывали нашу маленькую компанию в гости на чай с оладьями или пирожками. Обстановка в домах тогда была у всех примерно одинаковая. Это был стол, железные кровати, и в лучшем случае, шкаф и комод. На полу у всех были половики, которые ткали в нашей же деревне, в том числе и моя бабушка.

Крючок

Мне уже исполнилось семь лет. И конечно мы уже готовились стать первоклассниками. И активно проводя лето, мы должны были набраться сил перед школой.

Когда это случилось, был самый разгар лета. Нашу тройцу, по инициативе моего старшего двоюродного брата Мишки, пригласили на рыбалку, при условии, что мы и накопаем червей, и до реки мы должны будем нести их удочки, и там должны будем наживлять на крючки червей. Такое предложение нам страшно понравилось, ведь было так здорово оказаться во взрослой компании. И мы, набрав червей, которых под каждой корягой было в изобилии, шли за ватагой моего брата и старательно несли по несколько удочек. Мы спустились к реке на выбранное ими место и принялись наживлять червей. Ребята нетерпеливо ждали, подгоняя нас. Это была удочка моего брата, когда я наживлял последнего червя. Я решил на червя плюнуть напоследок, но мой нетерпеливый брат уже мотнул удилищем, чтобы забросить червя с грузилом. Крючок, вырвавшись из моих рук и совершив какое – то загадочное движение, подцепил мою верхнюю губу. Я взвыл. На этом рыбалка моего брата закончилась. Через несколько минут мы уже шли домой. Впереди шествовал мой брат, а позади, как рыба на крючке, шел я и мои верные друзья Гамка и Антошка. Однако, из взрослых у нас дома оказался только наш дед Парфентий. Он уже несколько лет лежал парализованный. И когда мы переехали в наш новый дом, его привезла бабушка. Деда расположили на кухне напротив русской печки. Дед был практически неподвижный. Обычной жизнью жили только его глаза, немного лицо, иногда слегка шевелились руки. К нашему огорчению, дома, кроме деда, никого не было. Мишка растерянно остановился на кухне, приказав мне не ныть. Я с горя сел к деду на кровать. И тут произошло чудо. Каким – то образом дед поднял руки и вытащил крючок из моей губы. После этого он опять стал, как и прежде, практически неподвижным. Вечером, когда пришли мои родители и бабушка, они никак в это не хотели верить, но рана на моей губе и рассказ моего брата их убедил. Это было чудо, которое, к сожалению, потом уже никогда не повторилось.

Заготовка шишек

В ближней полосе тайги рядом с деревней каждую весну шла заготовка шишек. Это было время, когда снег еще только успевал растаять, а в низинах и лесных ямах он еще оставался. Шишки собирали для того, чтобы потом из них извлечь семена для посадок. За каждый килограмм шишек давали двадцать копеек по – старому. И люди сдавали эти шишки мешками. Конечно, и здесь не обходилось без помощи ребятишек. Они шныряли по лесу среди поваленных или упавших елок и сосен и, набив карманы шишками, несли их своим родителям, выворачивая карманы в ведро. Это занятие продолжалось обычно несколько часов и в конце пробуждало такой аппетит, который стаканом молока уже невозможно было удовлетворить, поэтому, набегавшись по лесу, мы убегали домой, чтобы как следует подкрепиться и принести взрослым пирожков или бутербродов с маслом. Взрослые вытаскивали мешки из леса на околицу деревни, где уже стояла телега или даже грузовик. За собранные шишки рассчитывались сразу. Время от времени, телега куда – то уезжала. Часть мешков в телегу не входила, и они оставались у дороги вместе с хозяевами. Наступало время перекуров. Взрослые курили папиросы, сидя на мешках, набитых шишками, и обсуждали деревенские новости. Если день был сырой, и ноги намокали, то родители заставляли нас срочно бежать домой и отогреться или менять обувь. Целый день лазить по лесу с мешками – работа сложная. И поэтому, к вечеру родители очень уставали. После загрузки последней телеги, для нас наступал самый долгожданный момент. Нам родители выдавали немного мелочи. Её хватало на то, чтобы купить каких – либо сладостей. Кто – то покупал кулек конфет. Как правило, это была фруктовая подушечка в сахаре, которая очень часто из-за тепла в магазине, превращалась в слипшийся комок. Но это было настоящее лакомство после варенья. Кто – то покупал другие, не менее доступные лакомства. Однако, в то время, у нас было два главных лакомства. Первым был фруктовый чай в брикетах. И если его в это время завозили в магазин, то, после сбора шишек, его сметали с полок моментально. Кстати о фруктовом чае. В привычном нам смысле, это был вовсе и не чай. Он продавался в магазине и представлял собой прессованные фрукты в форме брикета с красивой бумажной оберткой, которую приходилось с трудом отрывать от содержимого. Чернослив, груша, изюм и яблоко давали удивительный вкус. Этот чай обычно не заваривали, а просто грызли его и дети, и взрослые с одинаковым наслаждением. Вторым лакомством, не менее популярным, были прессованные брикетки какао или кофе с сухим молоком и сахаром. Конечно, мы их грызли не заваривая, так же, как и фруктовый чай. После покупки заработанных сладостей, как правило, мы бежали к нам домой, и залазили на русскую печь, где грелись, с восторгом обсуждали прошедший день и конечно, поедали свои лакомства.

Школа

В шесть лет школа для нас была вершиной всех мечтаний. Ведь это был момент уже почти взрослой жизни, каковыми нам дошколятам казались все школьники, особенно старших классов. Все лето перед началом нашего первого учебного года мы прибегали к школе и заглядывали в окна, забираясь на высокую завалинку. Мы наблюдали как красили полы, белили потолки и стены и в конце лета красили парты. Это были деревянные парты с откидными крышечками и полочкой для портфеля. Столешница была наклонная, кроме верхней полоски, в которой были два углубления для ручек и одно углубление для чернильницы – по центру. Сама школа была длинным старым бревенчатым домом со входом посередине длинной стороны и выходом с противоположной стороны на задний двор с дровами, которыми топили две печки. Печки были круглые, похожие на бочки, обшитые металлом. Одна печка почти полностью находилась в одном классе, а вторая во – втором. Топки печек смотрели в коридор навстречу друг другу. Сразу за входной дверью школы был небольшой холл, который назывался школьным коридором. Влево и вправо из коридора двери вели в классы. Классов было всего два. Школа в нашей деревне была начальная и ребяташек, каждый год, набиралось всего на один первый класс, поэтому в первую смену учились первый и второй класс, а во вторую – третий и четвертый. Средняя школа была в соседней деревне, которая находилась в двух километрах, от нашей. Школа стояла в конце центральной улицы на окраине деревни и имела довольно большой двор, начинавшийся от школы и на противоположном конце упиравшийся в тайгу. Летом школьный двор был излюбленным местом для игр в лапту и догонялки. На заднем дворе была целая гора дров, и лазить по этой горе было тоже интересным занятием. Осенью эта куча перекочевывала под большой навес и игры на этом кончались. Несмотря на то, что в деревне все знали друг друга, к учителям всегда было особенно уважительное отношение и со стороны школьников, и со стороны всего взрослого населения. Это ощущалось по тому, как взрослые приветствовали учителей при встрече – как – то особенно тепло и всегда с доброй улыбкой. Школа всегда была каким – то особым местом притяжения и поэтому, все ребяташки, включая нас, уже ближе к осени, ждали с нетерпением начало учебного года.

Дошколята

Кончалось лето и наступало время подготовки к школе. Для школьников и первоклашек покупали портфели, рубашки, тетрадки и готовили белые воротнички. В общем, все то, что составляло необходимый набор. С нами жил мой двоюродный брат, который был старше меня на четыре года, а у Гамки был родной старший брат и тоже на четыре года старше его и, конечно, их тоже готовили в школу. Все вещи школьника, да и сама загадочная школа, вызывали у нас, шестилеток дошколят, некую зависть, и мы постоянно просили наших родителей тоже отдать нас в школу. Было первое сентября, наши братья пошли в четвертый класс. Это был последний год, когда они ходили в нашу деревенскую школу. И наша троица пошла их провожать. Во дворе школы была торжественная линейка. Принимали целый класс первоклассников. И наша троица тоже пристроилась к ним сзади. Мы с первоклассниками торжественно прошли по кругу. Впереди шла учительница, за ней парами, радостно возбужденные, шли первоклассники, и в конце шла наша троица, дружно взявшись за руки. Детей заводили в школу. Учительница стояла в дверях и запускала их парами, принимая от них букетики цветов. В конце процессии предстали мы. Она нас заранее заприметила и на входе остановила с вопросом – кто вы и куда? Мы хором ответили, что мы хотим учиться. Это вызвало у неё смех. Но глядя как наши серьезные рожицы стали кислыми, она нас успокоила, сказав, что нам надо еще набраться сил и немного подрасти, а то она нас за партами не увидит и будет думать, что мы пропустили занятие. Это был весомый аргумент, и когда дверь школы захлопнулась, мы побежали заниматься своими неотложными делами. Вечером каждый из нас дома рассказал свою школьную эпопею. На что мой отец сказал, что такое рвение в школу очень даже похвально.

Кино

После магазина клуб был самым популярным местом. По вечерам там показывали кино, а в праздники там проходили концерты и торжественные мероприятия. Клуб был деревянным и снаружи на его стенах висели яркие плакаты со знаменами, звездами и могучими богатырями. Перед клубом было большое крыльцо. Территория клуба была обнесена штaketником и в углу заднего двора одиноко стоял туалет, окруженный елями. В самом клубе был большой холл с портретами передовиков производства, там часто висели фотографии наших отцов, чем мы очень гордились. На расставленных столах лежали подшивки газет и журналов, которые листали зрители, ожидая звонка, после которого начинали запускать в сам кинозал. Кроме кинозала было еще несколько комнат. Это были кружки для взрослых ребят. По воскресным вечерам, как правило, устраивали танцы для взрослых. О танцах мы узнавали по тому, как родители нас предупреждали, что они вернутся поздно, и чтобы мы их не ждали. Но за разговорами с бабушкой и чтением сказок нам скучать и не приходилось. Когда нам уже исполнилось восемь лет, и мы окончили первый класс в, а это было в середине лета, наша троица болталась по деревне и случайно оказалась на заднем дворе клуба. К нашему удивлению двери кинозала были открыты и конечно мы этим воспользовались. Вдоволь набегавшись по залу, в котором не было ни души, мы забрались на сцену и начали, по – очереди, верещать и визжать, соревнуясь в том, кто это сделает громче. В разгар наших упражнений в дверь заглянула заведующая клубом. От неожиданности мы притихли на сцене. Но она очень даже дружелюбно сказала, что ей очень понравились наши голоса, и она нам хочет сделать интересное предложение и пригласила к себе в кабинет. Предлагаю вам очень удивить и обрадовать ваших родителей, сказала она. Осенью будет торжественное мероприятие, посвященное великой октябрьской революции. И, конечно, будут присутствовать ваши родители. И, действительно, на всех торжественных мероприятиях присутствовало все работающее население нашей деревни. Обычно были торжественные речи, раздавали грамоты, как правило, был концерт и в холле буфет с выпечкой и конфетами в коробках, и печеньем в пачках. Ну и после концерта – конечно танцы. Так вот, заведующая предложила нам спеть песню, которая, как она сказала, очень понравится нашим родителям. И спеть ее надо на открытии концерта после торжественного заседания. Идея удивить родителей нам понравилась, и мы все троем кивнули головами в знак согласия. Тогда вот вам текст, надеюсь, что читать вы умеете. Завтра, когда выучите текст песни, приходите после обеда. Это была песня о тревожной молодости. Весь вечер мы троем зубрили слова песни. Благо они хорошо запоминались. Там были очень вдохновившие нас строчки – «и снег и ветер, и звезд ночной полет меня мое сердце в тревожную даль зовет». На следующий день мы явились в клуб, как и договаривались. Заведующая пригласила баяниста, и он сыграл нам мелодию и спел. После этого нас, по – очереди, попросили спеть тоже самое. После прослушивания, баянист сказал, что толк будет только из меня, а Гамка и Антошка не годятся, один поет слишком тихо, а второй слишком пищит. Однако перед нашей решительностью петь только троем они отступили и согласились, что мы все трое будем петь, но разные песни. Я буду петь песню о тревожной молодости, с какой – то девочкой, а Гамка и Антошка песню о Чапаеве. Песню о Чапаеве мы уже слышали, и она нам очень нравилась. На такое предложение мы согласились. Но это, конечно, все при условии, что мы будем усердно репетировать в течении недели и потом еще и за несколько дней перед торжеством. Девочка, что пела со мной, была постарше и очень голосистая, так что петь с ней было легко. У Гамки с Антошкой тоже получалось очень даже неплохо, на мой взгляд. Репетиции пролетели незаметно и, как и планировалось, на открытии праздничного концерта мы красовались на сцене в школьных формах с октябрятскими звездочками, которые мы получили при вступлении в октябрята накануне праздника. Праздник совпадал с каникулами, которые наступили после первой четверти. На концерте мы голосили

из всех сил, особенно старался Антошка. Народ, а тем более наши родители, были в восторге и сильно хлопали после наших выступлений. Нам торжественно вручили запечатанные пакеты с конфетами и разрешили остаться на концерт для взрослых. Мы сели рядом с родителями и, после окончания концерта, моя мама развела нас по домам, где мы срочно приступили к изучению содержимого подарочных пакетов, а сама вернулась в клуб.

Хлеб

Часто родители нам поручали купить хлеба, который пекли в пекарне расположенной рядом с магазином. И это несмотря на то, что моя бабушка раз в неделю пекла круглые булки дома в русской печи. Покупные булки были большие, весом до двух килограммов. Это было из – за форм, которые, либо завезли когда – то в деревню, либо их сделали местные умельцы. Хлеб раскупали свежим, так как знали, когда он выпекается и когда он окажется в магазине. Хлеб мы покупали с моим братом, по – очереди. Так как я и мои ближайшие друзья жили на одной довольно короткой улочке и поэтому за хлебом, когда была моя очередь, мы практически выходили одновременно. Когда хлеб оказывался в наших руках, мы искали подходящее место. Часто это были бревна, которые в изобилии лежали возле домов или придвинутые к заборам огородов. Сидя на бревнах, начинался пир. Корочка с булки хлеба быстро исчезала за разговором. В те времена хлеб был настоящим и источал аромат, который вызывал мгновенное слюновыделение. А удивительный вкус хлеба приводил к тому, что корочка на булке исчезала полностью, несмотря на свою огромную величину. Не знаю, как остальные родители, но мои к этому привыкли, и воспринимали это явление, как нечто естественное. Наверное, они представляли себя на нашем месте и поэтому все прекрасно понимали. Конечно, когда нам заказывали по две булки, то вторая булка доставлялась в полной сохранности. Когда заказывали две булки, то ввиду их тяжести приходилось в магазин бегать дважды. К магазину наш дом был ближе всего, и это часто служило нам промежуточной остановкой. Иногда мы заигрывались у нас дома настолько, что к нам приходила либо мама Гамки, либо Антошки. Мои друзья получали строгий выговор, который никак не влиял на повтор наших хлебных посиделок. Правда если мамы просили нашу бабушку, то посиделки после покупки хлеба иногда переходили в дом Гамки, потому что его дом был дальше всего от магазина, и мы с Антошкой, занося хлеб к себе домой, конечно же, его провожали до дома.

Снег с крыши

Когда наступала весна, возникала необходимость сбрасывать снег с крыши. Крыши были сделаны из теса – таких специальных строганных досок с желобками. А чтобы тес не успел набрать влагу от тающего снега и его не повело, снег и сбрасывали. Это был настоящий праздник, и мы с нетерпением ждали, когда родители нам, наконец – то, разрешат сбросить его с крыши. Мы уже ходили во второй класс и считались вполне взрослыми для такой работы. Хотя так считали далеко не все, да и крыши были разные, и поэтому детей нашего возраста иногда не допускали к этому довольно опасному занятию. Но, к счастью, мои так не считали и доверяли мне с моим двоюродным братом Мишкой делать эту работу. Когда наступил подходящий момент, Мишке об этом сказали мои родители. Мишка в свою очередь доверил ее мне. И вот, накануне, я предложил Гамке и Антошке поучаствовать в сбросе снега с крыши нашего дома. Утром прибежали Антошка с Гамкой со своими деревянными лопатами. Утро было солнечное и мы, взяв лопаты, которыми обычно чистили снег во дворе, залезли на макушку крыши. Вид открывался величественный. Была видна почти вся деревня и подступавший к ней лес. Полюбовавшись на окрестности, мы приступили к делу. По снегу надо было пробраться к краю крыши и, воткнув лопату, отломать спрессованный ломоть снега. Крыша была довольно крутая и была на приличном расстоянии от земли, что и вызывало смесь чувства осторожности и страха, несмотря на то, что на земле лежал снег метровой толщины. Мы расположились вдоль крыши и приготовились. Надо было стараться откалывать пласт одновременно, чтобы снег полосками слетал с крыши. Это было не просто, так как слой снега на крыше был порядка метра. Вначале все было ровно, но на середине крыши произошло нечто. Мы успели только воткнуть свои лопаты, как Антошка, а он был с краю крыши, оказался внизу. Но к его счастью оставшийся снег не сдвинулся с места и не придавил его. Это нас навело на прекрасную идею. Когда был сброшен весь снег с крыши, мы устроили катание с горки, где горкой являлась сама крыша. Большой вал снега внизу поднимался до середины стены, и оставалась вполне безопасная высота для падения с крыши. Однако это удовольствие было не длинным, так как проходящая мимо соседка сообщила моей бабушке о наших катаньях и та, конечно, это прекратила, позвав нас на чай с булочками.

Велосипед

В нашей маленькой компании велосипед был пределом мечтаний. После окончания второго класса, мой отец привез из города велосипед «школьник» красивого лазурного цвета. Утром я совершил мой первый выход по нашей улице с велосипедом. Велосипед я просто катил, упершись руками в руль. Первым мою радость поделил Антошка, когда я к нему заехал во двор. Дальше мы его катили вдвоем. Гамка, как и я, был в не меньшем восторге. И вот мы уже втроем покатали его к моему дому на поляну, чтобы начать учиться ездить. Мы по очереди садились на сиденье, ноги едва касались педалей. Переваливаясь с боку набок, мы пытались крутить педали и в то же время двое других держали велосипед с разных сторон. Понемногу осмелев, мы пытались катиться самостоятельно. Велосипед отпускали и наездник, болтая рулем из стороны в сторону, пытался проехать как можно дальше. Успехи были у нас с Гамкой получше, только по тому, что Антошка был меньше нас ростом и с большим трудом пытался прокручивать педали. Через несколько часов мы с Гамкой укротили велосипед и уже садились на него с приступочки или пенька довольно уверенно и делали круг, торжественно глядя на Антошку. После обучения, мы решили покрасоваться на нашей улице. И, главное, попробовать преодолеть большую лужу. Первым начал я. С разгона я врезался в лужу, но дно было мягким, и на середине лужи грязь на дне остановила велосипед, и я свалился в лужу под общий хохот друзей. Это не убавила наш пыл, и далее такая же участь свершилась с Гамкой. Антошка даже и не стал пытаться. Покатавшись еще немного по улице, мы мокрые, но счастливые разбрелись по домам.

СЛИВКИ

Наша корова давала ведро молока и как говорила мама – оно было очень жирным. Тем не менее, его почти каждый день перегоняли на сепараторе. Это было наше любимое занятие, на которое приходили мои друзья Гамка и Антошка. Сепаратор стоял на столе в прихожей. Бабушка наливала молоко в чашу сепаратора, и наша задача была крутить ручку. Сепаратор приятно жужжал, и это давало ощущение того, что мы управляем сложной машиной. Когда бабушка настраивала сепаратор на максимальную густоту сливок, требовалось гораздо большее усилие, и мы крутили ручку по двое. Быстро уставая, мы каждую минуту менялись. После того, как перегонка сливок кончалась, наступал самый интересный и долгожданный момент. Бабушка разбирала сепаратор и давала нам возможность облизать металлические конусы, покрытые сливками. И так как конусов было предостаточно, каждому из нас этого лакомства вполне хватало. Затем бабушка выносила таз с теплой водой, ставила его на табурет и мы, обступив таз, мыли все детальки сепаратора. После каждого такого трудового подвига моя бабушка приглашала нас на чай с булочками. Булочки были, как правило, с вареньем или черемухой и это было настоящее пиршество макать булочкой в свежие сливки и запивать чаем, настоящим на листьях смородины.

Гараж

В летнее время, для нас мальчишек, одним из любимых мест для времяпрепровождения, был гараж, вокруг которого забор был весьма условный. Гараж был большой, и в нем всегда было много лесовозов и трелевочных тракторов. Вся эта техника обслуживала лесозавод, который стоял на краю деревни. Первым, что нас тянуло в гараж, так это необычные запахи солярки и масел. Вторым – были стружки после токарных станков – цветные металлические спиральки, которые можно было спокойно брать домой. И третьим, и, наверное самым главным, были выброшенные металлические детальки, болтики, гайки и пружинки. Мы ими иногда набивали полные карманы, чтобы дома, что ни – будь из них соорудить. Из боксов гаража нас особенно никто не гнал, и мы лазили по тракторам, восхищаясь тем, как они здорово устроены. Когда обкатывался очередной отремонтированный трактор, для нас наступал праздник. Мы просили тракториста нас покатать, и не было случая, чтобы нам кто – то отказал. Обкатка шла по двору, и наша троица гордо сидела в кабине этого рычащего и могучего чудища. Когда нас просили родители, то из гаража мы в баночках приносили солидол, которым смазывали сапоги от намокания. В сапогах, смазанных солидолом, можно было спокойно бродить по лужам. Солидол стоял по всей территории гаража в фанерных бочках и взрослые не обращали внимания на то, что кто – то немного его набирал себе. В огромных металлических ящиках, которые стояли около токарного цеха, мы часто находили бумажные рулоны, которые были ничем иным, как неразрезанными обертками от конфет. Это был протирочный материал. Но из – за своей масляной пропитки вытирал он плохо и его часто, в сердцах, целыми рулонами выбрасывали в отходы вместе с токарной стружкой. Эти рулоны были тоже нашей добычей. Из них мы делали башни, положив рулон на землю и вытянув середину вверх до образования высокой красивой цветной конусной трубы. И, наконец, главным местом нашего времяпрепровождения было место списанной техники. Мы часами лазили по кабинам, кузовам и гусеницам, пока нас не одолевал голод или какая – то обязанность дома, которую кто – то из нас должен был сделать в течение дня.

Дупло

Лес нас притягивал всегда своей таинственностью и запахами. Окраина леса, с огромным количеством валежника, была нами, как и многими ребятишками, облюбована для игры в прятки. Иногда игра в прятки затягивалась надолго из – за того, что отыскать спрятавшихся было сложно. Нам было шесть лет, когда наша троица, подражая взрослым ребятишкам, так же и там же, начала устраивать игры в прятки. В один из дней, в самый разгар игры, мне пришла мысль спрятаться во внутрь большого упавшего старого дерева, у которого была сгнившая и вывалившаяся сердцевина. Когда наступил черед прятаться мне и Гамке, я вытянув руки вперед, без особого труда залез внутрь дерева и наблюдал за ищущим нас Антошкой через выпавший сучок. Прошло довольно много времени. Гамка уже успел застукаться и ждал, что я тоже вот – вот выскочу и тоже застукаюсь на базе. Когда я понял, что Антошка ищет меня в другом месте, я спешно попытался выбраться. Но моя одежда начала цепляться на стенки и собираться комом. И я вдруг понял, что я застрял. Изо всех сил я начал звать на помощь. Через некоторое время Антошка, пробегая мимо, услышал мои глухие вопли, которые неслись из поваленного дерева. Он крикнул Гамке, что меня нашел и, побежав к дереву, попытался вытащить меня за ноги. Однако ни ему, ни Гамке, ни им вместе, вытащить меня не удавалось, так как моя старая курточка задираясь выполняла функции пробки. Посовещавшись, они решили сбегать за моими родителями. Убежали оба, и я ощутил на себе весь ужас безысходности. Через некоторое время показался мой отец. Он как раз, только что пришел на обед домой. Гамка и Антошка залетели в наш дом и наперебой начали рассказывать, что я застрял в дереве. Ничего не поняв, отец побежал с ребятами к злосчастному дереву. Он сразу оценил ситуацию. И благо, что мои руки были вытянуты вперед, он умудрился вытянуть меня из моей тюрьмы. Глядя на мое зареванное лицо, он ничего не сказал, а только погладил меня по голове и сказал нам всем – чтобы прежде чем что – то делать мы все – таки думали. И добавил, что мы уже взрослые и глупостей нам совершать не к лицу. Конечно, прятки в этот день уже кончились и через несколько минут мы сидели у нас на кухне и пили чай. И Гамка и Антошка наперебой рассказывали моей бабушке о моих злоключениях, и все долго смеялись, включая меня.

Кисель

Наша деревня, тянувшаяся вдоль Енисея, была разделена тремя поперечными улицами, которые были короткими, всего в несколько домов. И, естественно, та, что делила деревню поперек на две части, была центральная. На этой улице был и клуб, и магазин, и школа, и пекарня. Клуб был ближе к тракту, а магазин был на другом конце улицы, через несколько домов от клуба. За магазином была пекарня и дальше начиналась тайга. Напротив магазина, чуть – чуть в глубине, стояла школа. Магазин был самым желанным местом у жителей нашей деревни. В нем продавались и продукты, и ткани, и гвозди, ну и много еще чего полезного. Прилавок был с трех сторон. В одном месте он прерывался, и там стояла бочка с селедкой. Нам родители доверяли покупать хлеб, спички, мыло, немного конфет ну и конечно ручки и к ним перышки. Перышки продавались в коробках по несколько десятков. На перышки мы играли – кто дважды перышком перевернет чужое перышко, тот его себе забирает. Бывало так, что удавалось выигрывать по сотне перышек. Это была удача, которой остальные завидовали. Сама атмосфера в магазине настраивала на праздник. Пахло чем – то необычным и приятным. В магазине мы могли толкаться подолгу, пока нас не выставляла на улицу продавец. Однажды, после того, как нас выставили, мы решили заглянуть на задний двор магазина. И, обследуя выкинутые коробки, мы обнаружили коробку полную каких – то кирпичиков. Они очень вкусно и знакомо пахли. Мы уже окончили первый класс и могли сносно читать. На выцветшей бумаге мы прочитали, что это кисель. Мы побежали в магазин к продавцу и сообщили ей, что она на заднем дворе забыла кисель и его или намочит, или съедят птицы. Продавец рассмеялась и сказала, что этот кисель списан на выброс. На наше предложение его забрать она сказала – что хотите, то с ним и делайте, только не ешьте. Но кисель так ароматно пах, что мы распотрошили пачку и начали его пробовать. Кисель оказался весьма вкусным. Решение было принято сразу – тащить его к нам на сеновал. Пыхтя от напряжения, мы долго тащили коробку до нашего дома. Чтобы поднять коробку на сеновал пришлось просить моего брата. Брат коробку поднял, правда тоже с нашей помощью, и увидев, что там кисель, тоже предупредил чтобы мы его не ели, а то может быть он и отравлен. Ну конечно, кто же его послушает. На следующий день, так как с нами ничего не случилось, мы пригласили всех своих друзей с нашей улицы и устроили массовое поедание киселя под разные истории, которые каждый знал во множестве. Через несколько дней, когда мои родители заподозрили неладное, из – за неожиданно большой популярности нашего сеновала у детворы нашей улицы, они решили посмотреть в чем там дело, но обнаружили только пустую коробку. На строгие расспросы пришлось все рассказать. Конечно, я получил выговор, и конечно нам повезло, что этот кисель не был заражен мышами или что – то в этом духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.